

По дороге назад, с тяжёлой ношей за плечами, Чжун Цзыци едва переставлял ноги. Всё-таки его нынешнее тело принадлежало геру, он никогда не занимался тяжёлым трудом, и сил у него было до смешного мало. А вот Чжао Чжэнъань шёл легко, даже несколько раз пытался снять с него корзину за спиной, но каждый раз получал отказ. Цзыци прекрасно понимал: в той корзине, что нес Чжэнъань, лежит не меньше тяжестей — а то и больше.

Как раз в этот момент сзади подъехала повозка. В ней сидело несколько геров лет сорока-пятидесяти, а кучером был добродушный мужчина за пятьдесят. В деревне его все звали дядя Чжао Эр: когда-то у него водились лишние деньги, и он купил повозку. С тех пор все любили ездить с ним в город — за пару монет.

Повозка поравнялась с Чжун Цзыци и остановилась.

— Цзыци-гэ, залезай, подвезу, — негромко сказал дядя Чжао.

— Да-да, — тут же подхватил один из геров, — у тебя столько всего, тяжело же! Быстрее садись!

Цзыци и правда уже выбился из сил. Он подумал, что не стоит упрячиться из-за пары монет, и потянул за собой Чжао Чжэнъаня:

— Спасибо, дядя Чжао.

— Что это ты накупил, Цзыци-гэ? Столько всего? — поинтересовались с любопытством.

Цзыци улыбнулся:

— Мы же разделились с семьёй. Дома ни еды, ни вещей — вот и пришлось срочно всё закупать.

— Ой, столько всего — небось кучу денег потратил? Ван Цуйхуа хоть нормально тебе выделил при разделе? — с притворным сочувствием спросил один из геров, явно недолюбливавшая Ван Цуйхуа. Все ведь прекрасно знали его характер — жадный до невозможности, только брать и умеет.

— Немного. Всего одну связку монет.

— Всего одну?! Да он совсем уже! Пусть он и не родной сын, но так жадничать — это слишком! И как ты собираешься жить дальше с таким... — она презрительно покосилась на Чжао Чжэнъаня, — ...с таким дурачком?

Остальные тут же зашумели, поддакивая.

Если бы не откровенная злорадность в их глазах, Цзыци, возможно, и поверил бы в их «сочувствие». Он сохранял вежливую улыбку, но внутри его накрыла волна раздражения. «Дурачок» — и снова, и снова... Им что, так нравится, когда у других всё плохо?

Он взглянул на Чжао Чжэнъаня — тот тихо сидел, опустив голову. В груди неприятно сжалось. Цзыци протянул руку и сжал его ладонь. Чжэнъань тут же поднял голову и глуповато, но искренне улыбнулся ему.

У въезда в деревню Цзыци с Чжэнъанем сошли с повозки, принимая на себя привычные жалостливые взгляды. Дядя Чжао сначала не хотел брать с него плату — когда был жив Чжун Чжэнъань, у них были кое-какие отношения, и ему было жаль Цзыци. Но сам Цзыци об этом не

знал и упрямо всучил ему две монеты. Они не были близки — он не хотел оставаться должником.

Когда они вернулись домой, уже было поздно. Чтобы сэкономить несколько монет, Цзыци не стал есть в городе. Он зашёл в главную комнату, поставил корзину и начал доставать покупки, велел Чжао Чжэнъаню раскладывать их по местам.

Время поджимало. Цзыци был голоден и измотан, поэтому решил перекусить чем-нибудь простым — вечером ещё нужно было пригласить Чжао Нина и остальных на ужин. Он поставил корзину в угол, выпрямился и спросил бодрого, полного сил Чжэнъаня:

— Ты голоден?

— Голоден, — уверенно кивнул тот, поглаживая живот. Его длинные глаза часто моргали.

Цзыци невольно пересмотрел своё мнение о нём. Голодный — а не капризничает. Уже хорошо.

— Подожди, я приготовлю. Вечером будет что-нибудь вкусное.

— Угу, — послушно кивнул Чжэнъань, незаметно сглатывая слюну. Как же хотелось мяса... Но раз «жена» сказала, что вечером будет — значит, будет. Как хорошо!

На кухне Цзыци задумался. Грубый рис он есть не собирался. К счастью, сегодня он купил муку — можно сделать что-нибудь из теста. Он развязал мешок, отмерил муку, добавил воды и начал замешивать — будет суп с клёцками: быстро и без лишних усилий.

Чжао Чжэнъань стоял у двери, высунув половину головы, и не отрываясь смотрел на плавающие в масле клёцки.

Цзыци случайно обернулся и увидел это — ещё немного, и тот бы закапал слюной. Он не удержался от улыбки, зачерпнул готовое и протянул ему:

— Держи, отнеси на стол. Только осторожно, не пролей, горячо!

Чжэнъань аккуратно принял тарелку и медленно, шаг за шагом, понёс её в комнату.

Сам Цзыци взял тарелки, палочки и только что приготовленный салат из огурцов.

Готовил он, надо сказать, неплохо. Это было видно хотя бы по тому, что Чжао Чжэнъань мгновенно опустошил целую тарелку горячих клёцок, тогда как сам Цзыци не доел и половины. Когда тот потянулся за второй порцией, Цзыци встревожился, схватил его за подбородок и стал проверять:

— Ты не обжёгся? Куда так спешишь? Никто же у тебя не отнимает!

Чжэнъань, сияя глазами, смотрел на него и глупо улыбался, послушно позволяя осматривать себя.

— Не обжёгся... очень вкусно... — пробормотал он невнятно.

Убедившись, что всё в порядке, Цзыци вздохнул с облегчением и с лёгкой насмешкой сказал:

— Кожа у тебя, конечно, как у быка... Ладно, ешь помедленнее. Всё это — твоё.

Чжао Чжэнъань яростно закивал. Один мальчишка лет восьми-девяти из деревни, говорил: нужно во всём слушаться жены, иначе тебя бросят. Раз велели есть медленно — значит, надо есть медленно.

Только вот еда была такой вкусной... так хотелось есть большими глотками. Он никогда не ел ничего настолько ароматного. «Жена» не бьёт его, не ругает «дурачком»... и кормит такой вкусной едой.

Сказать, что кулинарное мастерство Чжун Цзыци было каким-то выдающимся, — значило бы сильно преувеличить. Но и плохим его назвать нельзя: не дотягивает до лучших, зато уверенно выше среднего. В прошлой жизни, будучи одиноким холостяком, живущим в одиночестве, он всё-таки освоил готовку — хочешь не хочешь, а навык приходится прокачивать. Сначала то подгорит, то останется сырым... но никто ведь не видел, так что он спокойно тренировался. Когда получалось удачно, он приглашал того самого человека к себе домой — под предлогом «попробовать новое блюдо, не знаю, вкусно ли вышло». Так, понемногу, его стряпня становилась всё лучше и лучше.

Пройдя полдня пешком, его нынешнее тело окончательно выбилось из сил. Поев, он велел Чжао Чжэнъаню не бегать куда попало и сразу отправился спать. Полный энергии Чжэнъань сначала бесцельно бродил по дому, а потом присел у кровати и стал неотрывно смотреть на спящего супруга. Руки так и чесались потрогать его гладкое, нежное лицо... но он боялся разбудить, поэтому сдержался.

Насмотревшись и вдоволь наулыбавшись, он тоже почувствовал сонливость. Скинул верхнюю одежду, тихонько забрался на кровать и по привычке обнял Цзыци за талию, крепко прижав к себе. Только после этого он довольно закрыл глаза.

Во сне Цзыци нахмурился — ему стало немного неуютно, тело будто что-то тревожило. Он слегка пошевелился, но усталость была слишком сильной, и он не проснулся.

Аж вечером, когда солнце уже клонилось к закату, Чжун Цзыци наконец открыл глаза. Потянулся с наслаждением, размял шею — и вдруг заметил, что Чжао Чжэнъаня рядом нет. Он тут же насторожился:

— Чжэнъань? Чжао Чжэнъань?

Спустя мгновение послышались торопливые шаги, и из-за двери показалась голова Чжэнъаня:

— Жена, ты проснулся!

Цзыци потер виски:

— Что ты там делаешь?

Чжэнъань поднял грязные руки:

— Траву выдёргиваю.

Во дворе, кроме дорожки у входа и тропинки к воротам, всё остальное было просто земля. Дом пустовал много лет, и сорняки разрослись всюду. Вчера они лишь срезали высокую траву, а мелкую так и оставили.

Когда Чжэнъань проснулся, Цзыци ещё спал. Он вышел во двор, но помнил, что «жена» не велел ему уходить одному. От скуки он заметил траву — дома «мать» часто заставлял его выдёргивать сорняки. Если он сейчас всё очистит, жена, наверное, обрадуется?

Цзыци, не зная о его маленьких стараниях, лишь убедился, что тот никуда не убежал, и облегчённо вздохнул. Он махнул рукой и щедро похвалил:

— Чжэнъань у меня такой работающий. Продолжай, а я пойду готовить ужин.

Приведа себя в порядок, Цзыци вдруг вспомнил, что ещё не предупредил Чжао Нина. Нужно поспешить — вдруг они уже поели. Выйдя из дома, он увидел, как Чжэнъань старательно выдёргивает траву во дворе, и позвал:

— Чжэнъань!

Тот тут же вскочил и подбежал, глядя с вопросом.

— Я ненадолго выйду и скоро вернусь. Подождёшь меня дома?

Цзыци понимал: нельзя же везде таскать его за собой. Нужно постепенно привыкать.

Чжэнъань посмотрел на него жалобно, глаза сразу наполнились влагой:

— Жена, возьми меня с собой. Я не буду мешать, честно! Я буду слушаться... возьми меня...

Цзыци вздохнул и, подбирая слова, мягко объяснил:

— Помнишь тех двоих, что приходили к нам вчера? Они нам помогли. Я хочу пригласить их на ужин. Это не потому, что я не хочу быть с тобой. Я скоро вернусь — мне ещё готовить. Видишь, это наш дом, все мои вещи здесь... я тебя не брошу. Хорошо?

В голове Чжэнъаня словно боролись два голоса: один тянул бежать следом, другой — слушаться «жену». Немного поколебавшись, он выбрал второе. Он боялся, что его возненавидят, как другие... поэтому нужно быть послушным.

— Тогда... возвращайся скорее, — тихо сказал он.

Глядя на его покрасневшие глаза, Цзыци беспомощно, но серьёзно кивнул:

— Сиди дома. Никому не открывай дверь — только если это буду я. Запомнил?

Чжэнъань кивнул, сдерживая слёзы.

Только тогда Цзыци спокойно вышел. По памяти он направился к дому Чжао Нина — тот жил недалеко от въезда в деревню. Это место было не в центре, поэтому по дороге никто не встретился. В центре деревни, как он помнил, росло несколько больших ив, под которыми стояли лавки — там обычно собирались и болтали жители.

«Тук-тук-тук»

— Кто там? — раздался голос Чжао Нина, приближающийся к двери.

— Сяо Нин, это я, Цзыци.

Дверь распахнулась, и лицо Нина озарилось радостью:

— Ты чего пришёл? Заходи скорее!

— Я пришёл позвать тебя и брата Шэна к себе на ужин. Я купил мяса — хочу угостить вас.

— Ай... да зачем такие хлопоты? — нахмурился Чжао Нин. — У тебя и так жизнь непростая. Зачем тратить деньги? Позовёшь потом, когда разбогатеешь. Да я и без приглашения пришёл бы.

В его голосе звучала искренняя забота. Вчерашние слова были шуткой — он и не думал, что Цзыци воспримет их всерьёз.

— Не переживай, я всё рассчитал, — с улыбкой ответил Цзыци. — Купил немного мяса — заодно отметим новоселье, соберёмся, посидим вместе... Ты же не откажешь, правда?

Он даже сделал вид, что обиделся.

Чжао Нин вздохнул:

— Ладно-ладно, приду.

— И не забудь позвать брата Шэна. Вчера он больше всех помог — всю тяжёлую работу на себя взял.

— Знаю.

Цзыци улыбнулся и, попрощавшись, ушёл.

<http://bllate.org/book/16132/1592202>